

РФ
С-42 П

Сказка

о славном и именитом
Царевиче Маландрахе
Ибрагимовиче и о
прекрасной царевне
Салыкалле.

Въ хороши сказки
РФ
С 42 П

СКАЗКА

о славномъ и именитомъ Царевичѣ Маландрахѣ Ибрагимовичѣ
и о прекрасной Царевнѣ
Саликалѣ.

Въ нѣкоторомъ Царствѣ, въ нѣкоторомъ Государствѣ, въ городѣ Андерикѣ былъ жилъ Царь, умной человекъ, по имени Ибрагимъ Туксала, и пошѣ самой Царь жилъ со своею супружницею ровно шрищашъ лѣшъ, а ни единого дѣшща у нихъ не имѣлось. И началъ Царь Ибрагимъ Туксаламочичъ съ Царицею Богу молиться, что бы онъ даровалъ имъ какое нибудь дѣшще; и услышалъ Богъ молитву ихъ и сжалился на ихъ

обити. № 34

слезы горькія и далѣ имѣ дѣ-
 шище дороднаго сына, и назва-
 ли его Маландрахомѣ Ибрагимо-
 вичемѣ, но прозванью Туксала-
 мовичемѣ; и шомѣ Царевичѣ не
 по днямѣ, а по часамѣ росшетѣ,
 какѣ грешное шѣсто на опарѣ
 киснетѣ, шакѣ удалѣ доброй
 молодецѣ Царевичѣ роешетѣ; и
 шомѣ Царѣ обучилѣ своего сына
 разнымѣ наукамѣ. И когда Царе-
 вичѣ пришелѣ вѣ совершенныя
 лѣта и всѣ науки выучилѣ, то
 приходилѣ онѣ къ Царю Ибрагиму
 Туксаламовичу и возговорилѣ
 ему шакія словеса: Государѣ шѣ
 мой батюшка, сильный Царѣ
 Ибрагимѣ Туксаламовичѣ! Обу-
 чилѣ шѣ меня разнымѣ наукамѣ,
 а одной шолько наукѣ не вы-
 училѣ. Ахѣ, шѣ чадо мое милое,
 любезнѣйшій сынѣ Маландрахѣ
 Ибрагимовичѣ! Скажи миѣ и по-
 вѣдай: какой шѣ наукѣ еще у-
 чилѣсь хочешѣ, сказалѣ Царѣ

сыну своему? Я для тебя нароч-
 но выпишу учителей. На шо ему
 Царевичѣ Маландрахѣ ошвѣшѣ
 держалѣ: Государѣ шѣ мой ба-
 тюшка Ибрагимѣ Туксаламовичѣ,
 вчерашѣ читалѣ я книгу Свей-
 скую и нашелѣ вѣ ней, что естѣ
 шакія люди, копорыя якобы на
 крыльяхѣ по воздуху леташѣ
 умѣютѣ, шо и миѣ очень шой
 наукѣ научилѣсь хочешѣ, и для
 шого прошу васѣ, Государѣ мой
 батюшка, шакихѣ учителей вы-
 писашѣ, копорыя бы меня шой
 наукѣ выучили. На шо Царѣ ему
 ошвѣшѣшвовалѣ: ахѣ, шѣ чадо
 мое милое, Маландрахѣ Ибраги-
 мовичѣ! Не лѣзя шому спашѣсь,
 чшобѣ люди летали по воздуху;
 и шѣ читалѣ конечно какую
 нибудѣ небылицу, или сказку, шо
 шому вѣришѣ никакѣ не можно,
 однако я для тебя пошлю вѣ
 иное Государшво о шакихѣ лю-
 дяхѣ провѣдашѣ, и если ихѣ

74713K

опыщуть, шо велю сюда привесить и велю тебя той наукѣ учишь. А какъ у Царя не пиво варишь, не вино куришь, шо и послалъ Царь въ разныя Государства опдаленныя съ наказомъ опыскивашь воздушныхъ лешапелей, и если ихъ найдушь, велѣлъ къ себѣ привозить. И разбѣхались всѣ послы по разнымъ Государствамъ, и чрезъ три года времени нашли одного такого мастера въ городѣ въ Асприѣ и привезли къ Царю Ибрагиму Туксаламовичу; и какъ скоро Царевичъ Маландрахъ его увидѣлъ, шо вельми радостенъ былъ. Царь Ибрагимъ началъ того мастера спрашивашь: умѣешь ли онъ той мудреной наукѣ? На шо ему лешальщикъ отвѣщъ держалъ: Милоспивый Государь! Ваше Царское Величество! Хошя я самъ себя похвалишь и не смѣю, однако я первой мастеръ во всей на-

ней споронѣ; ежели изволише, чшобъ я училъ вашего сына Маландраха Царевича лешашь по воздуху, шо прикажише соорощить палашу великую и высокую, шаковую, чшобъ въ длину она была въ двѣспи локшей и шолько же въ ширину, а въ вышину шпо локшей; и чшобъ ша палаша вся была пущая, а шолько бы была въ ней каморочка; и въ той палашѣ чшобъ было множество окшекъ. Когда сшо речъ выслушалъ, шо въ шо же самое время приказалъ такую палашу соорощить, и какъ скоро ша палаша совсемъ была соорощена, шогда воздушной лешапель сдѣлалъ двое крыльевъ, однѣ для себя, а другія для Маландраха Царевича, и началъ Царевича въ той палашѣ лешашь учишь и подвязывалъ ему однѣ крылья, а себѣ другія, и когда его опущилъ, шо клалъ обои крылья въ

каморочку и шамъ ихъ запералъ, а ключъ къ себѣ бралъ. Но въ нѣкое время случилось, когда обучался Царевичъ и послѣ опущенія положилъ крылья масперъ въ каморочку и не заперъ крѣпко замка, а Царевичъ то примѣшилъ, и о томъ не сказавъ своему учителю, пошелъ съ нимъ вмѣстѣ къ своему бабюшкѣ, а на ту пору у Царя пиръ прилучился и гостей было множество великое: тогда Маландрахъ Царевичъ ушелъ тихонько, никому не сказавшись, въ ту палату великую и вынулъ изъ каморочки свои крылья и подвязалъ онъ себѣ ихъ крѣпко на крѣпко и вышелъ изъ палаты вонъ и началъ съ мѣста на мѣсто перепархивать и послѣ взлѣзъ на ту палату высокую и сѣлъ на ней, и отдохнувъ немножко, любовался съ верьху на Государство своего бабюшки, и послѣ

хотѣлъ на землю спуститься; но вдругъ сердечко его замерло, побоялся въ низъ съ такой великой вышины спуститься, и вмѣсто того, чѣмобъ ему лѣзть къ низу, забирался онъ все часъ опъ часу выше да выше, такъ что наконецъ ему земля съ яблоко показалась, поному что онъ забрался очень высоко; и на ту пору подулъ вѣтеръ пресильной, копорымъ Маландраха Царевича занесло въ незнаему сторонушку, и уже спалъ онъ изъ силъ выбиваясь такъ, что не могъ онъ своими крылышками править, и началъ опускаться къ низу и увидѣлъ подъ собою море и вельми того онъ испугался, и собравъ послѣднѣя свои силы, приподнялся опять къ верьху и смотрѣлъ на всѣ на чѣтыре стороны, не увидишь ли гдѣ какого берега. И усмотрѣлъ въ дали небольшой островъ и полетѣлъ

вѣ шу спорону и спустился на шопѣ островѣ, на кошоромѣ опивязавѣ свои крылья, взялъ ихъ подѣ пазуху и началъ ходишь по шому острову и искаръ себѣ какой ниестъ пици, ибо онѣ вельми шогда проголодался, и нашель онѣ одно дерево, на коемѣ росли сладкїя овоци, кошорыхъ онѣ накушался до сыща, а послѣ на праву легѣ спать подѣ кудрявое дерево и проспаль до бѣла свѣша, а по ушпру вспавѣ, хотѣль подвязать себѣ крылья, однако руки его такѣ болѣли, что онѣ ими и ворохнушься не могѣ, почему и принужденѣ шуть пробышь цѣлые десяшь дней, а вѣ одинашцашой день подвязаль себѣ крылышки и благословаясь, оняшь поднялся кѣ верьху и смонрѣль на всѣ споронушки и примѣчалѣ Государство башюшки своего родимаго, однако не могѣ его увидѣшь, и кѣ вечеру

уже увидѣль онѣ берегѣ и на шомѣ берегу была роца гусшенькая, и спустился онѣ вѣ шу роцу, опивязаль свои крылья и пошедѣ по шопиночкѣ, вышель по шой шропинкѣ кѣ градскимѣ ворошамѣ, однако не пошель онѣ вѣ городѣ, а спряшаль прежде свои крылья подѣ куспиномѣ, и послѣ вошедѣ вѣ городѣ, спросиль, гдѣ рынокѣ? И когда ему рынокѣ указали, шо пошедѣ онѣ шуда и купиль себѣ долгую епанчу, а послѣ пошель оняшь вѣ роцу и взяль свои крылышки подѣ пазушку и пошель оняшь вѣ городѣ, гдѣ попался ему одинѣ человекѣ, кошораго, онѣ спросиль: не знаешѣ ли гдѣ наняшь кварширы? Незнакомецѣ его спросиль: конечно шы чужестранецѣ? Твоя правда, опивѣшь ему держаль Маландрахѣ Царевичѣ: я купецѣ изѣ Индѣйскаго Царшва и плыль на корабль сѣ шовара-

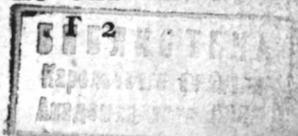
ми и погодою судно наше разбило о камень и прибило меня къ здѣшнему Государству на доскѣ, за копорую я крѣпко держался. Другъ мой, сказалъ незнакомой ему человѣкѣ, если хочешь, по поди живи ко мнѣ, я тебя буду держать вмѣсто родимаго моего сына. На сіе Маландрахъ Царевичъ охотно согласился и пошелъ съ незнакомымъ человѣкомъ въ домъ его; и живешь онъ въ домѣ его больше мѣсяца и изъ двора никуда не выходилъ; и началъ хозяинъ ему говорить: для чего ты не ходишь прогуливаться по нашему городу и не смотришь нашего огромнаго строенія и древнихъ развалинъ? Тогда Маландрахъ Царевичъ началъ просить своего хозяина, котораго называли Ахрономъ, что бы онъ пошелъ съ нимъ гулять по городу и показалъ бы ему Государевъ дворецъ.

Хозяинъ его послушался и пошелъ съ нимъ вмѣстѣ, и ходилъ онъ попому городу до самого вечера и пришли они назадъ домой и легли спать; а на другой день, пробудившись Маландрахъ Царевичъ, вспалъ съ постели, одѣлся, умылся и Богу помолился, на всѣ на четыре стороны поклонился и позавтракалъ; а позавтракавши пошелъ одинъ гулять по городу, и наконецъ вышелъ онъ за городъ и увидѣлъ превеликое каменное строеніе, вокругъ котораго была обнесена высокая каменная стѣна, и онъ ходилъ вокругъ той стѣны и не нашелъ ни однихъ воротъ, а только увидѣлъ одну калитку малую, которая заперта была крѣпко. Маландрахъ Царевичъ весьма дивился тому великому строенію, и пришелъ домой, спрашивалъ о томъ каменномъ строеніи своего хозяина; хозяинъ на

то ему опвѣшсшвовалъ: что
 по-де спроеиѣ Царское и въ
 помѣ-де спроеиѣи засажена Цар-
 ская дочь, по имени Саликалла,
 а за что шамъ засажена, того
 не знаешъ. Маландрахъ Царевичъ
 выслушавши его речъ, пошелъ
 на другой день опять къ помужъ
 каменному спроеиѣю и взялъ съ
 собою свои крылья, и пришедши
 къ каменной спѣнѣ, дождался ве-
 чера, и подвязавъ себѣ крылья,
 перелешѣлъ онъ черезъ каменную
 спѣну и сѣлъ на дерево, попо-
 му что за спѣною былъ садъ.
 Онъ сидя на деревѣ, смотрѣлъ
 въ окно, на кошоромъ сидѣла Ца-
 ревна Саликалла; она сидѣла
 очень долго и послѣ легла спать
 на постелю, и все то Малан-
 драхъ Царевичъ видѣлъ и черезъ
 часъ времени влешѣлъ онъ въ
 окно, кошорое было незатворе-
 но: онъ подошедъ къ кровати
 Царевниной, примѣшилъ, что она

спитъ, и началъ ее цѣловать и
 обнимать и хотѣлъ разбудить,
 однако не осмѣлился того сдѣ-
 лать; ипакъ онъ весьма долго
 любовался на красоту прекрас-
 ныхъ Царевны Саликаллы, и про-
 бывъ онъ шамъ почти до свѣшу,
 началъ послѣ шоропиться домой
 идши, ибо боялся, чтообъ не про-
 снулась Царевна; ипакъ прос-
 нился съ оною Царевною и сдѣ-
 лалъ примѣшу, чтообъ Царевна
 догадалась, что былъ у ней кто
 нибудъ, и вопъ какую примѣшу
 онъ сдѣлалъ: онъ положилъ къ ней
 на постѣлю ея башмаки и послѣ
 вылешѣлъ изъ окна и пошедъ
 домой, легъ спать. Царевна же
 по ушпру проснувшись, и увидѣвъ
 на постѣлѣ своей башмаки, ду-
 мала, что ихъ положилъ къ ней
 мальчикъ, кошорой бывши при
 ней во услуженіи, спалъ въ дру-
 гой горницѣ; она спрашивала
 мальчика: не онъ ли положилъ

74713K

башмаки къ ней на постѣлю? Мальчикъ ей говорилъ: что онъ ихъ не клалъ, чему она много дивилась. Въ вечеру Маландрахъ Царевичъ, взявъ свои крылья, пошелъ опять къ шѣмъ же каменнымъ палапамъ, и дождавшись ночи, подвязалъ себѣ крылья, влѣшѣлъ опять въ окно и любовался вновь на красосу прекрасной Царевны Саликаллы; она лежала тогда разменявшись и раскрывши груди; передъ ушромъ же, когда надобно было ему идти домой, взялъ онъ опять башмаки и положилъ къ ней на постѣлю въ самыя головы и поцѣловавшись съ Царевною, вылѣшѣвъ изъ окна, пошелъ домой и легъ спать. Прекрасная Саликалла, пробудившись по утру, и увидѣвъ опять башмаки въ своихъ головахъ спала спрашиваешь опять мальчика: не онъ ли ихъ шунѣ положилъ? Однако маль-

чикъ отвѣчалъ ей, что онъ ихъ не клалъ; чему она еще больше прежняго дивилась и общалась будущую ночь не спашъ и подсперечь, кто къ ней кладетъ въ головы башмаки. Царевичъ Маландрахъ, дождавшись опять до вечера, взялъ свои крылья подъ пазуху, пошелъ къ каменнымъ палапамъ, и когда чаялъ, что Царевна спитъ, то подвязавши крылья, влѣшѣлъ въ окно, и лишь только что подошелъ къ кровати и хотѣлъ Царевну обнять и поцѣловашь, то Царевна схватила его вдругъ обѣими своими руками весьма крѣпко и спросила: кто ты шаковъ, и за чемъ сюда пришелъ? Маландрахъ Царевичъ оробѣвъ не зналъ, что ей на то отвѣчать, однако послѣ собравшись съ разумомъ, началъ просить у Царевны прощенія въ своей винѣ, кошорую предъ нею сдѣлалъ,

однако она, не выпуская его изъ рукъ своихъ, приказывала ему съ угрозами, чтобъ онъ ей ска- залъ о себѣ, кто онъ таковъ и какъ зашелъ къ ней въ покои? Тогда онъ рассказалъ ей о себѣ всю истинную правду, то есть: какого онъ роду, котораго онъ отца сынъ, какъ его по имени зовутъ и какъ зашелъ въ то Государство и какъ къ ней попалъ. Тогда прекрасная Царевна Саликалла, поцѣловавши его въ уста сахарныя, сказала: вселю- безнѣйшій мой другъ и прекрас- ный рыцарь Маландрахъ Царевичъ, не прогнѣвайся на меня, что я съ тобою поступила такъ су- рово. О вселюбезнѣйшая и пре- краснѣйшая моя Царевна Сали- калла! Прошу тебя отъ всего сердца, повѣдай мнѣ всю истин- ную правду, почему ты въ сихъ палатахъ засажена родителями своими? да и то одна одине-

хонька, не имѣя при себѣ ника- кой пвари? Прелюбезнѣйшій мой и дражайшій Маландрахъ Царе- вичъ! Вотъ почему я здѣсь за- сажена: какъ скоро мапушка меня родила, тогда мой башюш- ка призвалъ къ себѣ мудрецовъ и спрашивалъ ихъ: долголи я буду жить? И какъ на то му- дрецы ему говорили, что я до пятнадцати лѣтъ буду жить честно и благополучно, а послѣ пятнадцати лѣтъ нанесу отцу моему и матери безчестіе, то есть, будно бы я оберемѣю, то отецъ и мать, услыша та- кія речи отъ мудрецовъ, велѣли соорудить сей домъ, и на деся- томъ году отъ рожденія моего меня сюда засадили на десять же лѣтъ, и теперь я здѣсь сижу уже шестой годъ и мапушка моя ко мнѣ приѣзжаетъ въ мѣ- сяцъ по одному разу, а башюш- ка въ три мѣсяца по одному

же разу; для услуженія моего при мнѣ естъ мальчикъ, которой спишѣ въ другой горницѣ; машушка моя была у меня прешего дни и будешѣ опять чрезъ дващцать восемь дней, шо вы любезнѣйшій Царевичъ можешѣ это время пробывшѣ у меня отъ скуки и шѣмъ едѣлаешѣ мнѣ великую милосшѣ, когда шолько не погнушаешѣ у меня оспашѣся. Царевичъ Маландрахъ съ великою радосшѣю согласился на ея прошеніе и у ней оспался. Тогда разговаривали они о разныхъ вещахъ и послѣ начали говорить о любви, которую они имѣли другъ къ другу, и шѣловались они шога и миловались и другъ другу заклѣшѣ дали, чшобъ Царевичу Маландрашу ни на комъ больше, кромѣ прекрасной Царевны Саликаллы, не женишѣся, а ей шакже, кромѣ его, ни за кого замушѣ шейши, и когда

они дождались ушра и мальчикъ Царевнинъ уже вспалъ, шога Царевна Саликалла вышла къ мальчику и сказала ему, чшобъ онъ иошелъ въ садъ и шамъ бы игралъ весь день; мальчикъ шому по ребячешеству обрадовался и иошелъ въ садъ играть; прешекрасная Царевна Саликалла это едѣлала для шога, чшобъ мальчикъ не видалъ Царевича Маландраха и не сказалъ бы объ немъ ея отцу и машери. И такимъ образомъ Маландрахъ Царевичъ жилъ у прекрасной Царевны Саликаллы дващцать восемь дней и забавлялся съ нею разными увеселишельными забавами и еналъ съ нею на одной постели; а въ дващцать девяшой день по ушру всема рано прекрасная Царевна Саликалла разбудила Царевича Маландраха и ему сказала, чшо бы онъ на шопъ день отъ нее оплучился по шому, чшо машѣ ея

Царица будетъ къ ней для навѣщенія; Царевичъ же Маландрахъ потчасъ вскочилъ съ поспѣли и началъ одѣваться, и одѣвшись, спалъ прощаться и въ сахарныя успа цѣловаться и къ решиву своему сердцу прижималъ ее, и вылетѣвъ на крыльяхъ изъ окна вонъ, пришелъ опять къ своему хозяину. Хозяинъ началъ его спрашивать, гдѣ онъ былъ во все то время? На что Царевичъ ему описывалъ: вышелъ-де я за городъ, ходилъ по зеленой рощѣ и заблудился и севодни попался мнѣ нѣкій человекъ и изъ той рощи меня вывелъ и привелъ въ здѣшній городъ. Хозяинъ на то ему сказалъ, чтобъ онъ впередъ такъ далеко не ходилъ пошому, что мѣсна ему здѣшняго еще незнакомы. Царевичъ же Маландрахъ возгорѣвшись крѣпко любовію къ прекрасной Царевнѣ Саликалѣ,

немогъ терпѣшь, чтобъ бытъ съ нею въ разлукѣ и на силу могъ дождаться вечера; онъ взявъ свои крылышки подъ пазуху, пошелъ къ каменному замку, подвязалъ свои крылышки, перелетѣлъ черезъ стѣну, слѣлъ на высокое дерево, смотрѣлъ въ окно къ Царевнѣ и примѣчалъ, нѣтъ ли у нее кого поспороннихъ людей; однако примѣшивъ, что Царевна одна похаживаетъ по горницѣ, потчасъ влетѣлъ къ ней въ окно. Царевна принимала его за бѣлая руки, цѣловала во усна сахарныя и ему говорила: что была у нее ея машушка и опять будетъ къ ней черезъ мѣсяцъ, и просила его, чтобъ онъ то время пробылъ съ нею; на что Маландрахъ Царевичъ съ радостію согласился и пробылъ у нее весь шотъ мѣсяцъ, а послѣ опять пошелъ домой. По приходѣ его

хозяинъ началъ паки спрашивать: гдѣ ты по сѣе время былъ доброй молодецъ; на что Царевичъ ему отвѣщивалъ: я-де познакомился съ однимъ купцомъ, копорой приѣхалъ сюда изъ нашего Государства, и все это время у него пробылъ. Хозяинъ шакимъ его словамъ повѣрилъ. Когда же наступилъ вечеръ, то Царевичъ взялъ опять свои крылья и пошелъ къ каменному замку, и подвязавъ крылья, влѣзъ въ окошко и жилъ еще мѣсяцъ и вылѣзъ тогда, какъ надобно бытъ матери Царевны; а послѣ опять къ ней лезалъ, и шакимъ образомъ ходилъ онъ къ ней близъ года; но въ нѣкое время Царица мать ея примѣтила, что прекрасная Царевна Саликалла оберемѣла, и начала дочь свою выспрашивать: вселюбезнѣйшая моя дщерь Саликалла, примѣтаю я, что ты беременна

то повѣдай мнѣ всю истинную правду и ничего не утай, отъ чего тебѣ то приключилось и отъ чего во чревѣ швоемъ чадо зародилось? На то ей Саликалла Царевна отвѣщивала: милосивая государыня мапущка, я скажу тебѣ всю истинну, что ходишь ко мнѣ молодой Царевичъ, но имени Маландрахъ Ибрагимовичъ, сынъ сильнаго Царя Ибрагима Туксаламовича, и живемъ мы съ нимъ въ великой дружбѣ и любви, и прилѣгаешь онъ ко мнѣ на крылышкахъ, копорыя онъ къ себѣ привязываетъ подъ пазухи. Услыша шакія речи Царица, мать ея, шотчасъ пошла къ Царю, своему супружнику, и ему обо всемъ томъ объявила, что отъ дочери своей слышала. Царь же возшрепешавъ, возлюбилъ весьма сердцемъ своимъ на прекрасную дщерь свою Саликаллу Царевну; шотчасъ повхалъ

къ ней вмѣсти съ Царицею и приѣхавъ, началъ Саликаллу Царевну спрашивать: гдѣ и у кого живешь Маландрахъ Царевичъ? Царевна Саликалла обо всемъ родителю своему объявила; въ пошѣ самое время Царь ошещъ ея послалъ добрую рашъ съ однимъ Княземъ, чшобъ взять Маландраха Царевича и предспавишь предъ лице его. Воины пришедши въ домъ, гдѣ жилъ Маландрахъ Царевичъ, взяли его подъ спражу и привели къ Царю своему: тогда Царь началъ выспрашивать его: какого онъ роду, и чьего ошца сынъ и изъ какого Государства и какъ его по имени зовушь и какъ попалъ онъ въ его Государство? На что Царевичъ объявилъ ему всю истинную правду. Тогда Царь призвалъ къ себѣ дочь свою прекрасную Царевну Саликаллу и ее спрашивалъ, пошѣ ли эшо самой,

которой къ шебѣ въ окно леталъ? Она на шо ему ошвѣстшвовала, что эшо пошѣ самой, кошораго она любитъ всю душу. По чему Царь взялъ свою дочь за руку и ошдалъ ее Маландрагу Царевичу, сказавъ ему: Вселюбезнѣйшій мой зяшь! Прѣими ошъ рукъ моихъ сѣю единородную дочь мою себѣ въ супружницы и живи съ нею благополучно, союзно и любовно. А какъ у Царя не пиво варишь и не вино куришь, а веселымъ пиркомъ разомъ, да и за свадебку; ишакъ Маландрахъ Царевичъ женился на прекрасной Царевнѣ Саликаллѣ, и женившись, жилъ онъ съ полгода у своего шестя, а по шомъ началъ у него просишься, чшобъ ошпустилъ его къ своему родителю съ своею супружницею; Царь ихъ ошпустилъ съ благословенѣмъ и велѣлъ корабль пригошовишь.

Какъ скоро корабль былъ при-
гошовленъ, то Царевичъ Малан-
драхъ просилея съ своимъ шес-
темъ и съ щецею, сѣлъ на
корабль съ своею супружницею
и поѣхали въ свое отечество.
По прибытіи во дворецъ отца
своего, Царь Ибрагимъ Тукса-
ламовичъ вельми радостенъ былъ,
что увидѣлъ любезнѣйшаго сына
жива и здрава, и спалъ его спра-
шивать: гдѣ ты по сіе время
былъ и какимъ случаемъ оп-
лучился изъ Государства моего?
Царевичъ же Маландрахъ объя-
вилъ родителю своему всю прав-
ду истинную; тогда Царь Иб-
рагимъ Туксаламовичъ былъ уже
въ древнихъ лѣтахъ и для того
возложилъ вѣнецъ свой на главу
любезнѣйшаго своего Царевича
Маландраха Ибрагимовича и вско-
рѣ послѣ того умеръ; а Малан-
драхъ Ибрагимовичъ началъ жить

съ своею любезнѣйшею супруж-
ницею Саликаллою и жилъ съ
нею многія лѣта въ великомъ
согласіи, любви и дружбѣ,
оставя по смерти своей достой-
ныхъ наслѣдниковъ.

К о н е ц ъ

~~Сказка~~ СКАЗКА

8
о весьма чудныхъ и прекрасныхъ
Гусяхъ Самогудахъ.

Жилъ былъ въ нѣкоей стра-
нѣ Король, именемъ Филонъ, и
шолъ Король имѣлъ у себя же-
ну, именемъ Халпуру, съ ко-
шорою прижилъ одинаго дѣшца,
именемъ Аспраха. И оный сынъ
ихъ во младыхъ лѣтахъ имѣлъ
охоту къ Рыцарскимъ дѣламъ;
когда же пришелъ въ совершен-
ный возрастъ, началъ помыш-
лять о бракѣ и спрашивалъ сво-
его родителя, Короля Филона:
въ кошоромъ Государствѣ есть
прекраснѣе всѣхъ Царевна, или
Королевна; на шо Король отецъ
его сказалъ: Любезнѣйшій мой

сынъ, чадо мое милосе! Когда
хочешъ ты женишься, шо я
покажу тебѣ изображеніи всѣхъ
Государствъ Царевенъ и Коро-
левенъ. Тогда Королевичъ Асп-
рахъ началъ просить у его шѣхъ
изображеній, а Король Филонъ
повелъ его въ особливую горни-
цу и показалъ ему всѣ шѣ изобра-
женіи. Обозрѣвъ оныя Асп-
рахъ Царевичъ, спалъ изъ шѣхъ
изображеній выбирать себѣ не-
вѣсту, и весьма ему полюбилась
Египетскаго Царя Афора дочь,
Царевна Осида, и воспалился къ
ней Аспрахъ любовью своею и
началъ помышлять, какъ бы
достать ее себѣ въ супружницы.
Тогда началъ онъ у башюшки
своего просить благословенія,
чтобъ оппустилъ его къ Царю
Египетскому для обрученія съ
Царевною Осидою перстнями;
Король же Филонъ шому очень
обрадовался, что сынъ его Ко-

ролевиць Аспрахъ хочешъ же-
мишься, и для того опущилъ
его съ благословеніемъ къ Царю
Афору. Аспрахъ Королевиць по-
шелъ выбирать себѣ добраго
коня богатырскаго и ходилъ по
всѣмъ Королевскимъ конюшнямъ,
однако не могъ выбрать себѣ
коня по мысли, по чему прос-
нившись съ своимъ оцемъ и
съ матерью, взялъ онъ ихъ
еще благословеніе и пошелъ въ
Египетъ пѣшъ, одинъ одине-
хонекъ; и шелъ онъ долго ли,
коротко ли, близко ли, далеко
ли, и увидѣлъ въ чистомъ полѣ,
что спояшъ палашы бѣлокамен-
ныя, кошорыя шакъ были въ-
золочены, что онъ ихъ, какъ
онъ солнца, лучи сіяли. Аспрахъ
Королевиць къ тѣмъ палашамъ
пошелъ и пришедши къ нимъ,
ходилъ вокругъ ихъ и смотрѣлъ
на окна, не увидишь ли какого
человѣка, однако не могъ никого

увидѣть; итакъ пошелъ онъ на
дворъ и по двору ходилъ весьма
долго; но и шамъ не видалъ ни
одного человѣка, и послѣ по-
шелъ въ палашы бѣлокаменныя
и вошедши туда, ходилъ по
всѣмъ покоямъ, однако и шамъ
не нашелъ ни одной души, и хо-
дилъ онъ по тѣмъ покоямъ весь-
ма долго, и пришелъ въ одну
горницу, въ кошорой набранъ
былъ столъ для одного чело-
вѣка; а какъ Аспрахъ Короле-
виць тогда былъ голоденъ, то
и сѣлъ онъ за столъ сполъ и
наѣлся и напился и послѣ легъ
на постелю и заснулъ весьма
крѣпко. Какъ скоро онъ про-
снулся, то вошелъ опять хо-
дитъ по тѣмъ покоямъ, и при-
шедши въ одинъ покой, увидѣлъ
изъ окна садъ шаккой прекрасной,
что онъ никогда еще шаккой
не видывалъ, и захопѣлось ему
въ томъ саду погулять; для

чего и пошелъ онъ шуда и ходилъ шамъ очень долго, и послѣ пришелъ онъ къ каменной стѣнѣ, въ коей была желѣзная дверь съ большимъ замкомъ. Аспрахъ Королевичъ, попрогавъ шомъ замокъ, услышалъ вдругъ, что за шую дверь заржалъ богатырской конь, и хотѣлъ Аспрахъ Королевичъ сбить шомъ замокъ, однако сбить было нѣчимъ, и шакъ пошелъ онъ искашь, чѣмъ бы замокъ сбить, и нашелъ большой камень, величиною въ сажень съ полуаршиномъ, и взялъ шомъ камень въ охапку и началъ сбивать замокъ; но нешокмо что замокъ, но и самую дверь шѣмъ камнемъ онъ вонъ вышибъ; и когда на дверь распворилась, то увидѣлъ онъ еще другую дверь желѣзную же и съ замкомъ; онъ и шу дверь шакже вышибъ, и за шую дверь еще было де-

сять дверей и онъ всѣ ихъ шѣмъ камнемъ выломалъ и увидѣлъ шамъ добраго коня богатырскаго и всю збрую богатырскую. Онъ подошедъ къ коню, началъ его поглаживать, а конь услыша по себѣ сѣдока, споишъ какъ вкопаной. И шогда Аспрахъ Королевичъ началъ коня сѣдлашь, надѣваешъ на него сѣделичко черкасское и уздечку шелку шемаханскаго, и осѣдлавши, вывелъ его изъ шой конюшни, и сѣвши на него выѣхалъ въ чистое поле и спалъ коня шого испытывать и бьешъ онъ его по крунымъ бедрамъ по могучимъ; а конь осержаешся, ошъ земли ошдѣляется, подымается выше лѣсу стоячева, что пониже облака ходячева, доли и горы межъ ногъ пускаешъ, малыя рѣчки хвостомъ успиляетъ, а широкія рѣчки перепрыгиваетъ; и шакъ Аспрахъ Королевичъ умучилъ шого доб-

раго коня, что по немъ какъ мыльная пѣна сдѣалась. Потомъ пошѣ добрый конь проговорилъ Аспраха Королевичу человѣческимъ голосомъ слѣдующія слова: Ну, Аспрахъ Королевичъ! Ты по мнѣ сѣдокъ, служилъ я покойнику Еруслану Еруслановичу, сильному могучему богатырю, ровно прищипъ лѣтъ и при года и былъ съ нимъ на многихъ поединкахъ и сраженіяхъ, однако никогда такъ я не уставалъ, какъ нынѣ; и шеперь я гошовъ шебѣ служить до моей смерти вѣрою и правдою. Тогда Аспрахъ Королевичъ поѣхалъ ояшѣ на пошѣ широкой дворѣ и поставилъ своего добраго коня въ конюшню, насыпалъ ему бѣлой ярой пшеницы и налилъ ключевой воды, а самъ пошелъ въ палаты бѣлокаменные, напился, наѣлся и легъ спать. Во упрѣ же вспавъ рано, осѣдлалъ своего

добраго коня богатырскаго и сѣвъ на него, поѣхалъ въ Египетъ къ Царю Афору просить себѣ въ супружницу дочь его прекрасную Царевну Осиду, и по нѣкоторомъ времени прибѣхавши шуда, сказалъ онъ о себѣ, что онъ сынъ Короля Федрона. Услышавъ сіе Царь Афоръ, принялъ его весьма честно и спрашивалъ, за чемъ онъ къ нему прибѣхалъ? На что Аспрахъ Королевичъ отвѣчаетъ ему такъ: Великій Царь всея Египетскія спраны! Прибѣхалъ я къ шебѣ не гостить и не пирѣ пировать, а прибѣхалъ я къ шебѣ просить милоспи, чтобъ опдалъ ты мнѣ свою любезнѣйшую дочь, прекрасную Царевну Осиду въ супружницы. Храбрый Рыцарь Аспрахъ Королевичъ, отвѣщивовалъ ему Царь Афоръ, я со всею своею охотою опдамъ за шебя дочь мою, но шокмо сослужи

шы мнѣ службу: подступаетъ подѣ мое Царство невѣрный Царь Ташарскій и хочетъ мое Царство повоюать и разграбить, и мою дщерь взять нечестно себѣ въ супружницы; а меня и съ женою моею хочетъ смертію казнить. Тогда Аспрахъ Королевичъ Царю Афору сказалъ: Милостивый Государь, Царь Афоръ! Я готовъ идти на брань за вѣру Христіанскую съ невѣрнымъ Царемъ и спасти вашъ градъ отъ погибели безвременныя. Тому бывъ радъ Царь Египетскій Афоръ, повелѣлъ великій пиръ сотворить для храбраго и прекраснаго Королевича Аспраха; и когда начался пиръ, тогда Аспрахъ Королевичъ обручился съ прекрасною Царевною Осидою персїями, и послѣ того пили они и ѣли и прохлаждалися и всякими забавами забавлялися, а пошомъ разошлись для ночнаго

покоя. На другой же день подступаетъ подѣ шомъ градъ рашь, сила бусурманская, и той силы числомъ было приспашысячь. Царь Афоръ вельми испугавшись, прибѣжалъ къ Аспраху Королевичу и просилъ его, чшобъ онъ сналъ за вѣру Христіанскую. Аспрахъ Королевичъ вспалъ, спряхнулся и осѣдлалъ своего добраго коня богатырскаго, пошомъ вошелъ въ палаты Царскія, помолился Богу и на всѣ на чешыре стороны поклонился, и началъ съ Царемъ Афоромъ и съ супругою его и съ прекрасною Царевною, обрученною невѣстою, прощаться, и просившись съ ними пошелъ на широкой дворъ и сѣлъ на своего добраго коня богатырскаго. Онъ сѣзжаетъ доброй молодецъ съ широкова двора и подѣзжаетъ къ той силѣ непріятельской и бьешъ коня по крупымъ бедрамъ, по могу-

чимъ, а конь его осержается, опъ земли опдбляется, подымаешся выше лбсу стоячева, что пониже облака ходячева, долы и горы межъ ногъ пускаешъ, малыя рбки хвостомъ устилаешъ, большіяжъ рбки перепрыгиваешъ, и вбхалъ онъ въ шу рашъ, силу непріятельскую, и началъ бусурмановъ рубить и крошитъ въ мблкія части; и гдб Аспрахъ Королевичъ рукой махнешъ, шумъ улица, а гдб конемъ вернешъ, шамъ площадь; и не сполько Аспрахъ Королевичъ рубитъ, сколько конемъ шопчешъ, и перерубилъ онъ и перешопшалъ шу рашъ, силу непріятельскую, и самого Царя бусурманского въ полонъ взявши, привезъ къ Царю Афору. Тогда Царь Афоръ весьма радостенъ былъ и приказалъ Царя бусурманскаго посадить въ шемницу; а съ Аспрахомъ Короле-

вичемъ начали веселиться, по веселіе продолжалось пятнашъ дней. По испеченіи же того времени Аспрахъ Королевичъ спалъ опять напоминашъ Царю Афору о бракѣ съ прекрасною Царевною Осидою, и Царь Афоръ приказалъ для брака велий пиръ приготовить; попомъ призвавъ къ себѣ любезную свою дщеръ прекрасную Царевну Осиду, приказывалъ ей, чтобъ она гошовилась ко браку. Выслушавъ сіе Царевна Осида, позвала къ себѣ Аспраха Королевича и сказала ему: О вселюбезнбйшій мой другъ и обрученный женихъ! Хочешъ шы такъ скоро со мною бракомъ сочашашся, но подумай прежде, какое у насъ будетъ на бракѣ веселіе безъ музыки, понеже у бапюшки моего нбшъ никакихъ игруновъ, и для того сбъзди шы любезнбйшій мой другъ за придевашъ земель

въ шридесятное Государство, въ Царство Кащея безсмертнаго и доспанъ шы опъ него гусли самогуды; онъ такъ хорошо играютъ всякѣя разныя шуки, что заслушаеся, и шѣмъ гусямъ самогудамъ цѣны нѣтъ, и шѣ гусли самогуды веселишь насъ будишь на бракъ нашѣмъ. Тогда Аспрахъ Королевичъ выходитъ изъ палашушекъ бѣлокаменныхъ и входитъ въ конюшню Царскую, выводитъ своего добраго коня богашырскаго, надѣваетъ на него сѣдличко Черкасское и подпягиваетъ подпругу шелку шемаханскаго; проспившиесь же съ Царемъ Египетскимъ, съ Царицею и съ своею обрученною невѣстою, сѣлъ на своего добраго коня, сѣхалъ со широкова двора и похалъ въ Царство Кащея безсмертнаго за гусями самогудами. Халъ онъ пушемъ дорогою и увидѣлъ спа-

ренькую избушку, и ша избушка стоишь къ лѣсу передомъ, а къ нему задомъ; приближась Аспрахъ Королевичъ, вскрикнулъ богашырскимъ голосомъ: Избушка, избушка! Спанъ къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ; и ша избушка повернулась къ нему передомъ. Тогда Аспрахъ Королевичъ слезъ съ своего добраго коня и вошелъ въ шу избушку, и сидишь въ той избушкѣ Ега баба на полу и прядетъ ленъ; голова у ней въ углу, а ноги она въ пошолокъ уперла; и закричала ша Ега баба спрашнымъ голосомъ: фу! фу! фу! Какъ доселева рускова духу слыхомъ неслыхано, а нынѣ русской духъ въ очью совершается. Потомъ спала она Аспраха Королевича спрашивать: За чѣмъ шы доброй молодецъ Аспрахъ Королевичъ сюда захалъ, волею ли или неволею? Вишь сюда и пища не за-

спыиваетъ, и мимо моей избушки никогда ни звѣрь не прорысывалъ, ни богашырь не проѣживалъ, а тебя какъ сюда Богъ занесъ? На то Аспрахъ Королевичъ ей сказалъ: Ахъ, ты глупая старая баба, ты прежде напои меня добраго молодца и накорми, и тогда уже спрашивай. Ега баба пошчасъ Аспраха Королевича напоила, накормила и въ банькѣ выпарила, головку буйну вычесала и пошелою ему пригословила и начала его опять спрашивать: Скажи ты мнѣ доброй молодецъ, куда ты свой путь держишь, въ кошорую дальнюю споронушку, и волею ли ты ѣдешь, или неволею? На то ей Аспрахъ Королевичъ такъ отвѣщалъ: Сколько волею, а вдвое того неволею, ѣду я за тридевять земель въ тридесятое Государство, во Царство Кашея безсмертнаго, доставашь

гусли самогуды. Го! го! го! молвила Ега баба: Трудно тебѣ достать шѣ гусли; однако молись Богу и ложись спать, упроче вечера мудренѣе. Аспрахъ Королевичъ легъ спать; во упроче же Ега баба пробудилась очень рано, вспала и начала будить Аспраха Королевича: Вспавай Аспрахъ Королевичъ, пора тебѣ доброму молодцу въ путь ѣхать. Тогда Аспрахъ Королевичъ вспалъ, одѣлся, обулся и умылся, Богу помолился, и на всѣмъ на чешыре спороны поклоняся, началъ съ Егою бабою прощаться. Ега же баба тогда Аспраха Королевичу сказала: Чтожь ты доброй молодецъ въ путь ѣдешь, а меня старую бабу не спрашиваешь, какъ тебѣ достать гусли самогуды; Аспрахъ Королевичъ спалъ Егу бабу выспрашивашь, а Ега баба ему сказала: Поѣжай ты путемъ до-

тогою съ Божією помощію, и когда приѣдешь ты въ царство Кащей безсмертнаго, шо нарови ты, чшобъ приѣхашь шебѣ шуда въ полдень; возлѣ его палашушекъ позолоченныхъ еспѣ зеленой садѣ, и въ шомѣ саду будешь прогуливанься красная дѣвица, Царская дочь, и ты черезъ спѣну въ шомѣ садѣ перескочи и подойди къ шой красной дѣвицѣ; она шебѣ будешь рада, для шого, что шестшой уже годѣ, какъ она унесена Кащеемъ безсмершнымъ отъ ея родимаго башюшки, и живешь съ нею Кащей безсмершный шакъ, какъ съ полюбовницею, и ты спроси у шой красной дѣвицы, какъ досташь шебѣ гусли самогуды, шо она шебѣ скажешь. Тогда Аспрахъ Королевичъ сѣвши на своего добраго коня, поѣхалъ въ пушь и ѣхалъ онѣ, долго ли, корошко ли, близко ли, далеко

ли, и приѣхавъ въ Царство Кащей безсмертнаго, подѣхалъ къ его палашушкамъ позолоченымъ и услышалъ, какъ играюшѣ гусли самогуды. Тумѣ Аспрахъ Королевичъ остановился и чупъ было не заслушался, ибо шѣ гусли шакъ хорошо играли, что всякой челобѣкъ можешь заслушашься до смерти; но Аспрахъ Королевичъ опомился, и перескочивъ черезъ спѣну въ зеленой садѣ, увидѣлъ шамѣ дѣвицу, Царскую дочь, и ша дѣвица весьма его испугалась, а Аспрахъ Королевичъ шопчасѣ къ ней подошедъ, сказалъ ей, чшобъ она не пугалась; послѣ чего спалъ ее спрашивашь, какъ досташь ему гусли самогуды? На что Царевна Дариса ему отвѣчала: Ежели ты меня съ собою возмешь, шакъ я шебѣ скажу, какъ досташь гусли самогуды. Аспрахъ Королевичъ

убидался ея взять съ собою, ежели шѣ гусли чрезъ нее достанешѣ; а Царевна Дариса на шо сказала Аспраху, чшобѣ онѣ оспался вѣ саду, а сама пошла къ Кащейю безсмертному и спала его спрашивать ложными речами, какѣ будшо она его сердечно любишѣ, и говорила ему слова сїи: Вселюбезнѣйшїй мой другѣ и искреннїй прїятель Кащей безсмертный! Скажи мнѣ пожалуй, не ужели шы никогда не умрешѣ? Конечно, я никогда не умру, отвѣчалѣ ей Кащейю безсмертный. Однако, сказала Царевна Дариса, гдѣ же швоя смерть, да и еспѣ ли она у шебя, скажи шы мнѣ? Конечно еспѣ, отвѣчалѣ ей Кащейю безсмертный; она подѣ порогомѣ вѣ голикѣ. Царевна Дариса пошчасѣ ухватила пошѣ голикѣ и бросила его вѣ огонь, однакожѣ хошя голикѣ и сторѣлѣ, но

Кащейю безсмертнїй живѣ шался. Тогда Царевна ошяшѣ спсила Кащейю безсмертнаго, говоря ему такѣ: Другѣ мой прелюбезнїй, конечно шы меня не любишѣ, чшо не скажешѣ мнѣ правду, гдѣ смерть швоя: вишѣ я шебѣ не лиходѣйка, а люблю шебя всею моею душою, и разговаривая, шакѣ начала Царевна Дариса обнимашѣ и цѣловашѣ лицемѣрно Кащейю безсмертнаго и просила его, чшобѣ онѣ ей сказалѣ, гдѣ смерть его. Тогда Кащейю безсмертнїй сказалѣ ей со смѣхомѣ: Слѣдѣ ли шебѣ знашѣ, гдѣ смерть моя? Однакоже я любя шебя, скажу шебѣ, гдѣ она. Вѣ чисшомѣ поле спояшѣ при дуба зеленые и подѣ корнемѣ самаго большаго дуба еспѣ червякѣ, и кшо шого червяка найдешѣ и задавишѣ, шогда и я умру. Царевна Дариса выслушавѣ шакѣ речи, пошла и сказала Аспраху

Королевицу, чшобѣ онѣ поѣхавѣ
уже чистое поле, сыскалъ бы
при дуба и подѣ большимъ ду-
бомъ вырылъ бы червяка и его
бы задавилъ. Аспрахъ Короле-
вичъ пошчасѣ поѣхалъ въ чи-
стое поле и ѣздилъ сѣ упра до
вечера и на силу нашелъ при
дуба зеленые и подѣ большимъ
дубомъ вырылъ червяка и его
задавилъ. Пошомъ приѣхавѣ къ
Царевнѣ Дарисѣ, спросилъ ее:
чшо живѣ ли Кащей безсмерт-
ный? Я червяка нашелъ и зада-
вилъ. Она отвѣчала ему, чшо
Касей живѣ. Тогда Аспрахъ Ко-
ролевицѣ ей сказалъ: Подижъ шы
къ Касею безсмертному и спра-
шивай, гдѣ его смерть, хоро-
шенько; а шо онѣ тебя все об-
манываетъ. Почему Царевна Да-
риса побѣжавѣ къ Касею без-
смертному, говорила ему со
слезами: Ты право меня че-
любишь, чшо не скажешъ мнѣ

правды, гдѣ швоя смерть, и
все меня обманываешь, какъ дур-
ношомъ начала его опяшь лице-
мѣрно обнимаешь и цѣловать и
послѣ спрашиваешь, гдѣ смерть
его? Тогда шо уже Касей без-
смертный сказалъ ей всю прав-
ду; онѣ ей говорилъ: Смерть моя
далеко ошсуда и шрудно кому
ее достать; она естѣ на морѣ,
на Океанѣ, и на шомъ морѣ естѣ
ошровъ Буянѣ, и на шомъ Бу-
янѣ ошровѣ естѣ зеленой дубѣ,
и подѣ шѣмъ дубомъ зарышѣ
сундукъ желѣзной, и въ шомъ
сундукѣ естѣ коробка, и въ шой
коробкѣ естѣ заецѣ, и въ шомъ
зайцѣ естѣ ушка, а въ ушкѣ
яйцо, и кшо шо яйцо достанешъ
и раздавишѣ, шо и я въ шужѣ
самую минушу умру. Царевна
выслушавѣ шаковые речи, побѣ-
жала къ Аспрашу Королевицу и
ему о шомъ сказала. Аспрахъ
Королевицѣ пошчасѣ сѣлъ на

этого добраго коня и поѣхалъ
 уже Оксану морю, и когда къ
 оному приѣхалъ, то увидѣвъ
 онъ рыбака въ лодкѣ, сказалъ
 пому рыбаку: Перевези меня на
 островъ Буянъ. Рыбакъ на по
 ему сказалъ: Садись господинъ
 ко мнѣ въ лодку; и по томъ
 Аспрахъ Королевичъ сѣлъ къ
 нему въ лодку, а рыбакъ пере-
 везъ его на островъ Буянъ. Ас-
 прахъ Королевичъ нашелъ тамъ
 зеленой дубъ и изъ подъ дуба
 вырылъ сундукъ желѣзной и
 пошъ сундукъ онъ разбилъ, и
 раскрылъ коробку, и взявъ изъ
 коробки зайца, разорвалъ онъ
 того зайца на полы, и лишь то-
 лько что зайца разорвалъ, то
 изъ него вылетѣла сѣрая ушница
 и поднялася къ верху, и какъ
 скоро надлетѣла она надъ море,
 то уронила изъ себя яйцо въ
 море. Увидя сѣ Аспрахъ коро-
 левичъ, очень печаленъ былъ и

велѣлъ пому рыбаку бро-
 неводъ въ море. Рыбакъ по
 часъ неводъ бросилъ и вытащилъ
 большую щуку; Аспрахъ Коро-
 левичъ велѣлъ шу щуку выпо-
 шить и нашли въ ней по
 яйцо, кошорое ушница изъ себя
 выронила. Аспрахъ Королевичъ
 сѣвъ въ лодку, велѣлъ рыбаку
 вестъ себя на берегъ; когда же
 они переѣхали, то Аспрахъ Коро-
 левичъ далъ рыбаку за работу
 денегъ, а самъ сѣлъ на своего
 добраго коня и поѣхалъ къ Ца-
 реви Дарисѣ. Какъ скоро онъ
 къ ней приѣхалъ и сказалъ, что
 онъ по яйцо досталъ, тогда Ца-
 ревна Дариса ему сказала: Теперь
 не бойся, спупай со мною вмѣсти
 къ Кащейю, и когда онъ къ нему
 показался, то Кащейю вскочилъ
 пошчасъ и хотѣлъ убить Ас-
 праха Королевича до смерти, а
 Аспрахъ Королевичъ взялъ скоро
 яйцо въ руку и началъ его ма-

Ойгоо малу давишь. Кащей вмѣ-
 жь о того, чшобѣ ему убишь
 Аспраха Королевича, началъ кри-
 чать и ревѣшь во все горло, и
 говорилъ припомѣ Царевнѣ Да-
 рисѣ: Вошь я любя тебя сказалъ
 тебѣ, гдѣ смерть моя, а ты
 шеперь что со мною дѣлаешь.
 Попомѣ схватилъ онѣ со стѣ-
 ны мечъ и хошѣлъ Царевну Да-
 рису разрубишь на полы; но въ
 шо самое время Аспрахъ Коро-
 левичъ раздавилъ яйцо, и Кащей
 повалился на землю, какъ снопѣ,
 и издохѣ. Царевна Дариса повела
 тогда Аспраха Королевича въ
 шу палашу, гдѣ были гусли са-
 могуды, и какъ они шуда при-
 шли, шо сказала она ему; Ну,
 шеперь эти гусли швои, возьми
 ихъ; а ты за шо выведи меня
 ошсель въ мою родимую спо-
 ронушку. Аспрахъ Королевичъ
 взялъ тѣ гусли подѣ пазуху и
 онѣ такъ хорошо и громогласно

заиграли, что Аспрахъ Кор-
 вичъ весьма тому удивился,
 и не шокмо тому, что гусли
 сами играющѣ, но и тому, что
 онѣ были преукрашены и сдѣ-
 ланы изъ самаго чистаго вос-
 шочнаго хрусналя, а струны
 на нихъ были золошныя. Аспрахъ
 Королевичъ долго на ихъ глядя
 любовался. Послѣ вышедѣ онѣ
 изъ палашѣ вошь, сѣлъ на
 своего добраго коня и посадя
 сѣ собою вмѣшши Царевну Да-
 рису, поѣхалъ въ пушь. Онѣ
 ошвезѣ прежде Царевну Дарису
 къ ея ошцу и машери, а попомѣ
 приѣхалъ въ Египетѣ къ Царю
 Афору, своему шесню, и ошдалъ
 шѣ гусли самогуды своей лю-
 безнѣйшей невѣшѣ, прекрасной
 Царевнѣ Осидѣ; и тогда гусли
 самогуды положили на шоль,
 и онѣ начали играть очень пре-
 рекрасно и забавно. На другой
 е послѣ шого день Аспра

1981
 уже
 его, девиць сочелася бракомъ
 прекрасною Царевною Осидою.
 и поживъ во Египтѣ немало
 время, ошъхалъ ошшудова въ
 опечество свое. Когда Король
 опецъ его увидѣлъ возлюблен-
 наго своего сына, также и Ца-
 рица машь его, шо весьма воз-
 радовалися сердцемъ своимъ, и
 въ скоромъ времени послѣ того,
 Король Федровъ волею Божіею
 умеръ, а Асрахъ Королевици
 возложилъ на главу свою венецъ
 родишельскій, и началъ съ воз-
 любленною милою своею супру-
 жницею, съ прекрасною Царевною
 Осидою, жить во всякомъ союзѣ
 и благоденствіи пребывать до
 самой смерти своея, съ кошо-
 рою и сей сказкѣ

Конецъ.